

Становление социальной работы как новой профессии

*Теодор Шанин,
профессор Манчестерского университета,
Великобритания,
Московская высшая школа
социальных и экономических наук*

Социальная работа как культурный феномен современности: новая профессия и академическая дисциплина

Бытующее отношение к социальным работникам Запада часто походило на то, которое олицетворяет карикатурный персонаж глуповатого и беспомощного чучела из "Вестсайдской истории". Такой стереотип подкреплялся каждый раз, когда появлялись сообщения о новых человеческих трагедиях, будь то замерзающие одинокие старики или дети — жертвы насилия. В западном мире разговоры о промахах социальных работников мы слышим постоянно из уст министров и чиновников, журналистов и полицейских, потребителей социальных услуг и самих социальных работников. Интересно то, что при этом никто из них не представляет себе более свой мир без социальных работников. Стоит напомнить, что профессия эта очень молода — ей нет и 100 лет, и ряды социальных работников продолжают множиться — в современной Англии их более 100 тыс. По-видимому, данная профессия обладает характеристиками, которые, с одной стороны, определяют ее устойчивость, а с другой — обуславливают ее внутреннюю противоречивость и объясняют бытующее негативное отношение к ней.

Общественное сознание часто связывало с социальной работой представления, которые не соответствуют действительности, но тем не менее очень живучи. Возьмем, например, вопрос об истоках социальной работы. Нередко можно слышать мнение, что социальная работа — это просто современный светский вариант религиозной благотворительности, уходящей корнями в средневековье. На самом деле благотворительность и социальную работу объединяет лишь общая альтруистическая установка. По всем прочим основным параметрам — целям, методам и структуре, связанным с особой подготовкой работников-исполнителей, — они существенно различаются, являются качественным скачком в новое и разное. Важнейшей движущей силой людей, занимающихся благотворительностью, было их чувство морального долга, стремление делать добро, обычно проистекающие из веры в бессмертие души. Акцент делался на творящего добро, а его вклад измерялся объемом и долгосрочностью оказываемой помощи. Современный же социальный работник видит свою задачу в том, чтобы человек, которому он помогает, смог в дальнейшем обходиться без помощи социального работника, делая это основным критерием профессионального успеха. Процесс, с помощью которого пытаются этого достигнуть, называют по-разному: реабилитация, нормализация, реадaptация. Но главная цель всегда состоит в том, чтобы вернуть "клиенту" способность действовать самостоятельно в данном социальном контексте. Для этого будущих социальных работников учат разбираться в индивидуальной психологии "клиентов", в характере связи человека с семейным и более широким социальным окружением, обучают приемам для развития у своих подопечных активности и самостоятельности. Можно сказать, что благотворительность как вид социальной активности во главу угла ставит стремления помогающих и их убеждения. В социальной работе центральной фигурой является "клиент", а цель ее — освобождение его от нужды в социальных работах.

Для того чтобы показать отличие социальной работы от религиозной и светской благотворительности, необходимо определить ее как профессиональную деятельность. Именно "профессионализм" и является ключевым в определении сути социальной работы ее элитой. В современном понимании понятие *профессия* указывает на некий круг проблем и набор приемов, с помощью которых эти проблемы можно выявлять и разрешать. Таким образом, каждая профессия базируется на специфической для нее системе знаний как теоретического, так и практического характера, а также на критериях успешного разрешения соответствующих проблем. Кроме того, каждая профессия вырабатывает особую систему этических принципов, задающую некие нормативные способы сно-

шения с клиентами, коллегами, внешними инстанциями. Образовательные учреждения и профессиональные ассоциации стоят на страже этих принципов, превращая их в формальные правила поведения. Особенно явно связь между операциональными и этическими компонентами деятельности выступает в тех профессиях, которые принято называть гуманитарными (в англо-саксонской литературе — *caring professions*). Они самоопределяются в духе научной объективности и часто ставят задачи "инженерии" человеческих отношений, но все это с целью, определяемой интересами "клиента". Знания, умения, понятия и нормы профессиональной деятельности передаются из поколения в поколение через систему профессиональной подготовки. Причем особое внимание уделяется выработке практических навыков и передаче новичкам профессиональных традиций опытными специалистами, т.е. тех типов отношений, которые были характерны для средневековых мастеров и подмастерьей.

Личность специалиста и его профессионально значимые качества формируются в процессе многоступенчатого отбора, а также под непрерывным давлением профессии как группы людей, разделяющих общие интересы, взгляды, предрассудки, часто даже манеру выражаться и одеваться. С помощью развитой системы стимулов и санкций складывается внутренняя структура и единство профессии. Жизненность профессий связана прежде всего с тем обстоятельством, что они обеспечивают эффективный способ решения специфических задач в условиях ограниченных ресурсов. Для индивида принадлежность к определенной профессии означает, с одной стороны, идентификацию с какой-то значимой целью, придающей смысл всей его жизни, а с другой — некий достаточно объективный критерий личных достижений. Далее, профессиональная организация означает, что сами специалисты осуществляют в известных пределах контроль над ресурсами и привилегиями. Это дает основания рассматривать профессиональные знания как своего рода собственность. И наконец, нужно отметить, что в каждой профессии четко выделяется круг вопросов, относящихся к компетенции специалиста, и в этом смысле создаются определенные рамки, ограничивающие его поле деятельности.

Исторически первые профессии возникли как частные случаи или ассоциации свободных и независимых специалистов, получающих вознаграждение непосредственно от своих клиентов. Современное государство постепенно превращает многих профессионалов в государственных служащих. Однако профессии и в этих условиях сохраняют многие специфические характеристики.

Зачатки социальной работы как профессии возникли чуть больше 100 лет назад, когда некоторые благотворительные органи-

зации начали поиск новых моделей систематической работы со своими подопечными. До этого господствовал принцип разделения бедных и нуждающихся на "достойных" (deserving) и "недостойных" (undeserving), т.е. на тех, кому следует помогать, и тех, кто сам виноват, что оказался в трудном положении. В самом начале становления помощь оказывалась бедным, всем бедным. Новые христианские "миссионеры пришли к бедным", пришли в городские трущобы своих стран в XIX в. и даже начали селиться в них.

Понятие "социальный работник" вошло в обиход в конце XIX — начале XX в. Но как самостоятельная профессия и академическая дисциплина социальная работа вполне утвердилась лишь после Второй мировой войны. Идеи New Deal в Соединенных Штатах 30-х годов, государства всеобщего благоденствия (welfare state), в Западной Европе 40-х годов стали выражениями признания права каждого человека на некий минимум достойного существования и превращения государства в гарант реализации этого права. Однако вскоре выяснилось, что для претворения подобной идеи в жизнь недостаточно принятия хороших законов и выделения соответствующих материальных ресурсов. Нужна также специальная система индивидуализированной помощи тем людям, которые по тем или иным причинам не вписываются в современное общество, оказываются за его бортом. Правительственные циркуляры и государственные ассигнования на социальные нужды должны были найти конкретного адресата, быть тонко подогнаны к запросам живых людей, а иногда существенно пересмотрены в свете практики. Эту-то функцию и взяли на себя социальные работники.

Характер деятельности социального работника требует от него знакомства с широким кругом вопросов, начиная от организации системы социального обеспечения в целом и соответствующего законодательства, элементов социологии и экономики и кончая конкретными приемами работы с клиентами, предполагающими знание психологии человека и прикладной психологии. Ядром социальной работы, получившей распространение на Западе, стал наработанный и обобщенный метод "работы с индивидуальным случаем" (casework), впитавший в себя, с одной стороны, элементы разных научных дисциплин, в частности психотерапии, а с другой — опыт оказания помощи индивидам и семьям в кризисной ситуации. Выбор форм действия вытекает здесь из определенной интерпретации целей и задач социальной работы и уделяет основное внимание динамике данного общества, как и реагированию людей на жизненные трудности, и особенностям взаимодействия индивидов со своим социальным окружением. Поскольку сфера деятельности социального работника обширна и не всегда может быть четко очерчена, подготовка будущих специалистов в этой

области включает, помимо академического компонента, обязательную практику под руководством опытного наставника. Важное значение придается также формированию индивидуально-психологических черт, отвечающих требованиям профессии, а также умений устанавливать контакты, вести переговоры, защищать интересы клиентов, сотрудничать с представителями смежных профессий, выступать в роли формальных и неформальных лидеров.

Идея "профессионализма", задающая соответствующую модель и стандарт поведения, сильно повлияла на всю организацию социальной работы — от низовой до глобальной, включая то идейное единство, которое характеризует профессию как некое "воображаемое сообщество". Несмотря на разнообразие сфер специализации (разные категории клиентов, разные стили работы, разные теоретические подходы), в социальной работе определились общие особенности, которые позволяют считать ее единой профессией, а не просто пестрым перечнем функций и организаций.

Развитие современного общества с его тенденциями к атомизации, фрагментизации и маргинализации создает все более отчетливую потребность в специализированной деятельности по решению разнообразных "социальных проблем". Социальная работа как особая профессия со своим подходом к решению этих проблем и к подготовке будущих специалистов является своеобразным ответом на подобный запрос. Вместе с тем ей присущи и некоторые особенности, обуславливающие противоречивость ее статуса. Сам характер тех проблем, с которыми она имеет дело, не позволяет предложить однозначные методы их эффективного решения. Любые же просчеты здесь наиболее заметны. Часто социальных работников превращают в "козлов отпущения", на которых удобно свалить вину за просчеты семьи, общества и государства. Молодость профессии объясняет сравнительную непрочность ее позиций в академическом и административном мире. Ее попытки выработать объективные и научные способы решения человеческих проблем часто вызывают недоверие, ибо данная сфера рассматривается как личностная и бытовая. То, что социальная работа активно посягает на традиционную сферу личной жизни и предлагает свой "профессионализм" как частичную замену неформальным межличностным контактам типа родственной поддержки или дружеского совета, нередко вызывает враждебную реакцию и раздражение. Обыденное сознание сопротивляется внедрению в эти сферы "научного подхода". А представители академической науки, наоборот, часто отказывают социальной работе в праве считаться полноценной научной дисциплиной, как области, не имеющей вполне развитой и автономной теоретической базы. Для многих это интуитивное искусство, а не "наука", которая может обучать.

Однако главный источник неоднозначности и противоречивости социальной работы как профессии кроется в ее тесной зависимости от современного государства, в ее своеобразных симбиотических отношениях с последним. Многие социальные работники трудятся в различных государственных учреждениях, цели которых не всегда совпадают с ценностями профессии. Именно от социальных работников порой исходит наиболее острая критика в адрес государственной политики. Идея государственной системы социального обеспечения базируется чаще всего лишь на признании равных прав каждого гражданина (или человека) на минимум благ, и в этом смысле является универсалистской. Фокус же реальной деятельности социальных работников — в признании многообразия индивидуальных потребностей. Позиция социальных работников как специалистов-профессионалов предполагает объективность и беспристрастность, однако по роду деятельности они редко остаются всего лишь безучастными лицами, постоянно сталкиваясь с мощным эмоциональным содержанием человеческих страданий. Выступая от имени государства, они представляют центральную деперсонализированную власть, но часто берут на себя и функцию выразителя интересов и защитника прав наименее защищенных слоев населения. Таким образом, видение профессии раздваивается, становясь похожим на двуликого Януса.

В последние десятилетия, особенно начиная с 60-х годов, на Западе сложилось интеллектуальное направление, выступающее с особо резкой критикой современного капитализма и государства. Его представители часто изображают социальную работу как прислужницу эксплуататорского строя, на которую последний возложил функции контроля за маргиналами. В этом видении роль социального работника сродни роли полицейского или тюремного надзирателя и служит той же цели — сохранению господствующего порядка. Влиятельнейшим представителем этого направления мысли стал Фуко. Продолжая линию, начатую Маркузе в 60-х годах и еще раньше — Гофманом. Фуко заключил, что последние два столетия характеризовались беспрецедентным усилением государственного аппарата, превращением его в ведущий механизм контроля за поведением людей, "которые огосударствуются". При всей своей познавательной силе эта интерпретация превращает социальную работу просто в одно из щупальцев гигантского спрута, именуемого "государством". На самом деле все обстоит сложнее. Социальные работники никогда не были лишь послушными исполнителями воли государства. Их профессиональные союзы, и в этом их отличие от других профсоюзов, часто брали на себя защиту интересов не только своих членов, но и своих "клиентов". Социальные работники действительно выполняли функцию "мягкого" контроля за марги-

нализированными слоями населения, но одновременно выступали как их защитники, их рупор, а порой даже как прямые организаторы их активной борьбы за свои права. Более того, в условиях, когда в погоне за сенсацией средства массовой информации часто искажают суть социальных проблем и мешают их подлинному пониманию, вне сентиментализированных "новостей", именно социальная работа как профессия оказывается носителем более глубокого знания масштабов социальных бедствий, маргинализации, неравенства, угнетения, отчаяния. Эти знания потенциально обладают радикализирующей силой.

В наше время большинство социальных работников, как и врачей, учителей и других представителей гуманитарных профессий, работают в государственных и других официальных учреждениях. Но при этом (и в этом особенность позиции этих групп) они не являются только исполнителями "приказа сверху", бюрократами, единственная забота которых сводится к такой рационализации деятельности, чтобы при минимальных затратах получать максимальную отдачу для себя лично или для государства. Профессионалов отличают особый статус и обладание знаниями, опираясь на которые они оценивают ситуацию. В основе профессионального знания социальных работников, из которого вытекают особые подходы и методы работы, противопоставляемые чисто бюрократическим или грубо утилитарным и эгоистическим решениям, лежат две фундаментальные концепции. Во-первых, это сама идея профессионализма. Во-вторых, это представление о правах человека.

**Этапы развития философии прав человека:
гражданские права, государство всеобщего благоденствия,
право на своеобразие**

Наряду с концепцией профессионализма, стержнем понятийной структуры социальной работы стала идея прав человека. В более широком плане эта идея или философия стала двигателем и обоснованием политических реформ в наиболее реформаторский период человеческой истории. Понятие "прав человека" чаще всего представляется в наше время чем-то естественным и вечным. На самом деле, это сравнительно недавнее изобретение. Впервые возникнув в Западной Европе и в США примерно два века назад, это понятие затем прочно укоренилось в коллективном сознании. Некоторыми учеными, в частности представителями школы утилитаризма, делались попытки подвести под эту идею некий абсолютный и/или научный фундамент. Тем не менее, она остается именно философией, если понимать под последней систему логически связанных абстрактных принципов, категорий и ценностей. Поль-

зуюсь принятой в социологии познания терминологией, она представляется как "интерсубъектность", базирующаяся на историческом консенсусе, а не на проявлении инстинкта, присущего человеческой природе, либо на некоей объективной потребности или просто особом выражении эгоизма. Нередко эту идею использовали для прикрытия интересов отдельных групп или как пропагандистский прием. Но, по сути, в нем всегда содержалось нечто большее, чем демагогия.

Ядро данной философии составляет набор утверждений о том, что каждый человек обладает абсолютным и очевидным правом на определенные блага, которые в не столь отдаленном прошлом были доступны как привилегии и "свободы" лишь узким слоям европейского общества (в этом Европа исторически противостояла принципу безграничной власти "сверху", ассоциирующемуся с "восточным деспотизмом"). Можно также сказать, что философия прав человека — это комплекс представлений о реальном и об идеальном устройстве общества, как и о месте индивидов в них. Идеалы мирным или революционным путем претворялись в жизнь реформаторами, стремившимися преобразовать общество в соответствии со своими моделями его улучшения. Эти модели неоднократно корректировались, поскольку сама их реализация вскрывала серьезные просчеты первоначальных планов. Рождались новые реформистские программы, причем сами представления о правах человека подвергались коренному пересмотру. Вслед за этим начинался новый цикл реформ. Исторически мы знаем два таких цикла, и можно говорить о начале третьего. В соответствии с основной направленностью реформ их можно поэтапно обозначить как: 1) гражданские права и политическое равенство; 2) государство всеобщего благоденствия, 3) социальная справедливость, индивидуальность и право выбора.

Зачатки идей, позднее оформившихся в философии прав человека, можно найти уже в древности. Современные создатели этой философии часто обращались к образцам Древней Греции и Рима. И действительно, именно в греческих городах-полисах зародилось представление о гражданстве, связанное с принципом прямой демократии, хотя это была, конечно, демократия для избранных. Мысли о принципиальном равенстве всех людей были высказаны первоначально римскими философами-стоиками. Однако в своем законченном виде философия всеобщих гражданских прав — продукт XVII—XVIII вв. Она оказалась в центре внимания под влиянием американской и французской революций, этому же способствовало и развитие английской парламентской либеральной традиции, наиболее ярким представителем которой был Дж.Локк. Ядром этой философии стало новое представление о природе человека и

его месте в мире. Непосредственно из нее вытекал взгляд о более разумном и совершенном устройстве общества и места человека в нем. Такое общество нужно было создать, и оно должно было состоять из свободных граждан, а не рабов или верноподданных. На философском языке этики Канта это гласило, что каждый человек должен рассматриваться как цель, а не как средство. Естественные права людей означали их равенство перед законом и в дальнейшем вылились в конституционный принцип "один гражданин — один голос", который становится критерием легитимности государственной власти.

В спорах и борьбе за новое общественное устройство сталкивались разные мнения о путях его достижения и о способах реализации гражданских прав, но практически все (реформаторы и революционеры) исходили из того, что краеугольным камнем этого устройства должна стать индивидуальная свобода, закрепленная законом. Они также были едины в убеждении, что этим самым новое общество станет более гуманным и справедливым. Воля большинства, восторжествовав, породит такие формы правления и общественной организации, в которой интересы бедного большинства населения возобладают над интересами привилегированных меньшинств. Равенство политических прав, закрепленное в конституции, естественным путем приведет также к искоренению социальных пороков; свобода и равенство приведут к братству. Недаром "конституционализм" изначально выступал как синоним реформирования старого режима.

В философии гражданских прав, сложившейся в XVII—XVIII вв., во главу угла ставилось равенство людей перед законом. Однако практическая реализация подобных программ вскоре выявила и их слабости. Америка и Франция показали, что республиканская форма правления, гарантируя равенство политических и юридических прав, сама по себе не приводит к фактическому равенству граждан. Более того, разрушение старой системы взаимосвязей лишило многих людей существовавших ранее традиционных форм социальной защиты и плодило нищету. Поляризация общества по имущественному признаку усиливалась. Начало "промышленной революции" и формирование рабочего класса сопровождалось резким ухудшением условий существования и ростом городских трущоб, бедности, пьянства и проституции. Жизнь социального дна не могла не привлечь внимания наиболее чутких и честных представителей интеллигенции. Пламенный революционер конца XVII в. Томас Пейн еще верил, что всеобщее избирательное право, гарантированное конституцией, решит все социальные проблемы. Дж.Ст.Милл — крупнейший теоретик либерализма XVIII в. в конце жизни приблизился к социалистическим взглядам.

Суть новой фазы развития философии гражданских прав и нового направления вытекающих из нее реформ хорошо выражена в названии партии, которая стала их главным проводником — Социал-демократической Рабочей Партии Германии. Сторонники этой партии были приверженцами демократии в том виде, в каком она мыслилась конституционалистами. К этому они добавили социальный аспект нужных реформ. В условиях индустриального общества они рассматривали себя как партию рабочего класса, ибо ожидали превращения его в наиболее многочисленную и представительную группу населения. Правда, социал-демократические идеи имели широкое хождение и в среде мелких ремесленников и интеллигенции, захватывая порой также крестьянство и радикальную буржуазию. В полной мере новая идеология прав человека, связанная с осознанием необходимости социальных реформ, была сформулирована II Социалистическим Интернационалом, в котором задавали тон немецкие социал-демократы. Мощное влияние КМаркса определило их цель как социальную революцию, но ККаутский в своей работе "На другой день после социальной революции" нарисовал иную картину будущего. Согласно его ожиданиям, медленный, но неуклонный процесс развития производительных сил, рост рядов рабочего класса и его социалистической сознательности должен был привести к "качественному скачку", когда государство в его существующей форме, оказавшись в руках рабочего класса и его партии, превратится в инструмент ожидаемых социальных реформ.

Таким образом, представление о правах человека расширяется, охватывая, помимо гражданского, также и "социальный" аспект. Цивилизованное общество обязано обеспечить всем своим членам некоторый минимум благосостояния и стабильности в условиях быстрой индустриализации и урбанизации. Это предполагает наличие системы пенсионного обеспечения; введение мер по борьбе с безработицей, назначение пособий по безработице, обеспечение жильем, а также доступность для всех здравоохранения и образования.

Характерно, что в тот же период "социальные аспекты" стали включать в политические программы и противники социализма. В известной мере это происходило под влиянием социалистов. Но, по-видимому, данная тенденция отражала не просто политическую конъюнктуру, а "дух времени". Многие из этих представлений о целях и методах преобразования общества носили универсальный характер, пронизывая как социальную теорию, так и общественное сознание в целом. Радикалы социалистического движения связывали реформы с переходом власти в руки самих производителей, т.е. преодолением того, что Маркс назвал "отчуждением пролета-

риата". Бисмарк от имени правых ратовал за близкие по духу реформы сверху и государственный патернализм как способ укрепления империи. Представители радикального крыла либерализма, от Ллойд Джоржа до Рузвельта, предлагали свои варианты схожего решения проблемы. Даже Черчилль высказывался в том плане, что Англии "не мешало бы заимствовать изрядную долю Бисмаркианства". Главное различие заключалось в следующем: по мнению социалистов, даже таких умеренных, как английский премьер-министр Эттли, социальные реформы — это часть процесса радикальной трансформации капитализма и перераспределения общественного богатства путем широкой национализации средств производства; по мнению же их политических противников, капитализм вполне жизнеспособен и позитивен, но нуждается в некоторых коррекционных и сдерживающих механизмах, в частности в активной социальной политике. При этом само определение потребностей и прав человека, а также представления о механизмах их удовлетворения оказывались более или менее сходными, несмотря на идеологические различия в остальном. Инструментом реализации глобальной социальной политики должно было стать государство и его органы на всех уровнях — от центральных до местных.

Революция 1917 г. в России и создание СССР привели к расколу социалистического движения на два крыла — социал-демократическое и коммунистическое, что означало также размежевание по вопросу интерпретации прав человека. Социал-демократы рассматривали социальные права как дальнейшее развитие гражданских прав на пути к социалистическому обществу, т.е. как цель следующего этапа реформ. Большевики считали идею гражданских прав буржуазным трюком и призывали полностью ее отбросить. "Диктатура пролетариата" — альтернатива этих прав быстро превратилась в синоним полицейского государства, подавляющего любое инакомыслие. Советское государство, сросшееся с коммунистической партией, стало ее реальным воплощением. Тем не менее, несмотря на идеологические и политические разногласия, ясно наблюдались совпадения в принципиальном подходе к определению социальных прав граждан в случае болезни и старости, в вопросах доступного жилья, бесплатного образования и медицинского обслуживания.

Эта фаза развития идеи гражданских прав полностью сложилась в Швеции и Англии к концу Второй мировой войны, распространившись вскоре и на другие части Западной Европы. В Великобритании такая система получила название социального государства, или государства всеобщего благоденствия (Welfare State). По замыслу ее авторов (в Великобритании им был Беверидок), она была

призвана искоренить все формы социального неблагополучия: болезни, безработицу, нужду, неграмотность, бытовую неустроенность. В тот же период президент США Рузвельт в законе об экономических правах говорил о "свободе от нужды", связанной со "свободой от страха". Тут необходимо сделать два замечания.

Во-первых, курс на создание государства всеобщего благоденствия в Англии был поддержан всеми главными политическими силами страны. Достаточно напомнить, что соответствующее законодательство было подготовлено членом либеральной партии для правительства, в котором консерваторы занимали большинство постов, а реализовано оно было лейбористами. Хотя лейбористская партия всегда рассматривала эту социальную программу как характерную особенность своей идеологии, вплоть до конца 70-х годов ни одно из последующих консервативных правительств не посягнуло на нее.

Во-вторых, если мы сравним советскую Конституцию с докладом Бевериджа и анализом политики полной занятости, который предложил в Англии Кейнс, и с законами, принятыми во времена "Нового курса" Рузвельта, мы обнаружим в послылах, принимаемых как само собой разумеющееся, много общего. Это были не просто пропагандистские лозунги. К середине XX в. и в СССР, и на Западе существовали государственные системы образования, здравоохранения и пенсионного обеспечения, которые были реальны, всеобщы, финансировались из бюджетных средств государством и определялись как часть гражданских прав.

И вновь победа стратегии реформ, ее проведение в жизнь вскрыли ее слабые стороны. Чтобы увидеть разительные перемены к лучшему в жизни большинства населения, достаточно сравнить капитализм XIX в., как его описали Бутт, Энгельс, Диккенс и Горький, или же очереди к общественным кухням дешевого супа для бедняков в 20-х годах нашего столетия, когда в центрах индустриальной цивилизации миллионы людей остались без работы перед лицом бездействующих правительств. Нужно сказать, что в социальных государствах Запады затяжной бум 50-х и 60-х годов совпал с восходящей фазой мирового экономического цикла и во многом был связан с варварским отношением к естественным ресурсам планеты. Демографические сдвиги и хроническая безработица в сочетании с бюрократизацией системы социального государства делали последнюю все более дорогостоящей, а вера в безграничный рост ресурсов, питавшая прежний оптимизм, не оправдывалась. Опыт поколений, пользовавшихся плодами государственного уэлферизма и государственного социализма, показал также, что несмотря на все усилия и значительные расходы, большинство важнейших "социальных проблем" так и не поддались искоренению.

Интересно то, что по обе стороны главного политического водораздела послевоенной эпохи давали о себе знать многие аналогичные проблемы. Как и на Западе, средств на социальные программы в СССР хронически не хватало. И там, и здесь продолжали существовать бедность, преступность, социальная напряженность. Разросшееся государство оказывалось неспособным решить эти проблемы. Оно или не обращало на них внимания, или прибегало к цензуре и арестам критиков. Основная цель "Догнать и перегнать Запад по уровню жизни населения!", провозглашенная Сталиным и подхваченная Хрущевым, становилась нереальной из-за неспособности советской системы выполнить эти обещания.

Важно отметить, что углублявшийся кризис как на "Западе", так и на "Востоке" ("Юг", т.е. так называемые "развивающиеся страны", требует специального анализа) был обусловлен не только экономическим положением населения и недостатком ресурсов. Он наглядно демонстрировал несостоятельность планов искоренения социальных язв с помощью широкомасштабных и общих государственных программ, особенно в отношении разного рода "маргиналов" и "меньшинств". В современном мире, который становится все более разнообразным, но одновременно и более открытым, совокупность "меньшинств" как таковых имеет тенденцию превращаться в большинство. Тот путь, который ранее представлялся магистральным и прямо ведущим в светлое будущее, становится все менее ясным. Универсальные рецепты вызывают все большее недоверие. Государство, прежде воспринимавшееся как главный инструмент их реализации, все чаще оказывается основным препятствием на пути достижения свободы, равенства и братства — тех идеалов, которые вдохновляли борцов за права человека — как эволюционеров, так и революционеров.

Новый этап коллективного мышления и третий цикл философии прав человека возник как реакция на универсализм и огосударствленность старой системы. Становилось ясно, что эти качества скрывают свободу индивидуального выбора, мешают видеть конкретные людские проблемы, живого человека, реальные проблемы "меньшинств". Системы, даже создававшиеся из лучших побуждений, превращались в диктатуру экспертов и бюрократов. Они покоятся на убеждении, что эксперты могут дать точный прогноз, предложить оптимальные решения, и тогда путем принятия мудрых законов и постановлений можно в совершенстве отрегулировать все стороны жизнедеятельности общества. Утопичность подобных взглядов становилась все более очевидной. Недоверие вызывала также сама идея абсолютного прогресса, понимаемого как однолинейное движение вперед и вверх, к все большей рациональности и универсальности. Протекающие одновременно экономичес-

кий и социальный кризисы в развитых капиталистических странах и развал СССР, обострение глобальных экологических проблем, а также то, что ученые не смогли предвидеть развитие этих событий, — все это стимулировало критический пересмотр общепринятых взглядов. Широкое наступление идеологии "новых правых" привело к свертыванию "государства всеобщего благоденствия", всеобщего права на бесплатное социальное обеспечение с резким сокращением ассигнований на социальные нужды и к курсу на частичную приватизацию социальных служб. И вновь, как 50 лет назад и ранее, когда идея государства всеобщего благоденствия активно пробивала себе дорогу, можно констатировать широкое единение разных партий и движений. Но теперь это — влиятельные партии левого толка, которые начали в этом вопросе брать на вооружение идеологические установки, заимствованные у своих политических противников.

Социальная работа и современные политические идеологии

Социальная работа как профессия, т.е. синтез практической деятельности и теории, всегда была в чем-то близка тому, что мы сегодня называем постмодернизмом, или, говоря словами Зигмунда Баумана, "предчувствие постмодернизма". В рамки универсальных социальных программ социальная работа всегда несла признание необходимости учета многообразных индивидуальных особенностей своих клиентов. Контингент людей, с которым чаще всего приходится иметь дело социальным работникам, делал последних особо восприимчивыми к тем аспектам существования человека, которые выражают непредсказуемость, отклонения от нормы, маргинализацию, аномию и отчуждение. Характер обучения социальных работников был также по духу "постмодернистским". Достаточно указать на такие моменты, как несколько скептическое отношение к глобальным теориям Поведения человека, признание информации основным ресурсом организации человеческой и профессиональной деятельности, особое внимание к этическим и эмоциональным компонентам социальной действительности. Еще задолго до того, как они вошли в моду в академических кругах, выражения типа "анализ дискурса" при всей своей абстрактности были бы вполне понятны социальным работникам. Ведь им постоянно приходится иметь дело с интерпретацией высказываний "клиентов", равно как текстов различных официальных и неофициальных документов. В историческом плане можно усмотреть общие корни этих форм аналитического мышления в теориях социальной фрагментации Г.Зиммеля и М.Вебера, а шире — в неокантианской и антипозитивистской философских традициях начала века.

Первоначально "новые правые" подхватили понятия классического либерализма, который в XVII—XVIII вв. бросал вызов "старому режиму". Современное "тоталитарное" государство — новый Левиафан — стало главным объектом их критики. Ведущими идеологами данного течения выступили Хайек и Поппер, эмигранты-ученые, биографии которых непосредственно связаны с воспоминаниями о нацизме. Вначале их сомнения в способности государственной системы социального обеспечения гарантировать в полном объеме права и нужды человека были "гласом вопиющего в пустыне". Но когда выдвинутые ими идеи были подхвачены официальной идеологией тетчеризма и рейганизма, они превратились в движущую силу новой "революции сверху" и до сих пор официально остаются тем идеологическим ориентиром, который определяет политику правительств и Международного валютного фонда.

Как лучший способ утверждения права индивидуального выбора здесь предлагается путь создания благоприятных условий для частного капитала. Развал советского блока приводится в качестве демонстрации утопичности идей социализма, как и "государства всеобщего благоденствия". Естественно, что планы широкомасштабной приватизации на руку новым капиталистам спекулятивного толка. Но и среди основной массы населения они не вызвали особых возражений, поскольку к тому времени накопились недовольства деятельностью национализированных отраслей промышленности и "социальных" министерств, оказавшихся насквозь бюрократизированными. Таким образом, требования децентрализации и разгосударствления встретили широкое одобрение. Однако дух и методы новых реформ все более расходились с формальной идеологией либерализма прошлого. Беспрепятственные вмешательства сверху, со стороны государственных бюрократических структур, всеобщая нестабильность, бесконечные изменения по административным указам — все это вряд ли снискало бы одобрение Адама Смита или Хаека. В то же время неконтролируемый рынок вел к убыстряющейся экономической поляризации, которая потянула за собой такие социальные явления, как увеличение преступности и числа нищих. Государство ответило испытанным оружием — силой. Такая стратегия была официально принята и получила поддержку — особенно тех, кто опасался беспорядков, не понимая их социальных причин. Старались не замечать того обстоятельства, что репрессивные методы противоречили официальным либеральным принципам. Рост мощи государственной машины в сочетании с мощью транснациональных корпораций — вот что все чаще стояло за разговором о разгосударствлении и децентрализации.

Итак, во многих отношениях "новые правые" представляют собой антипод "старых правых", которые были настоящими консер-

ваторами, т.е. сторонниками стабильности, патернализма, традиционных социальных институтов. "Новым правым" также были чужды моральные идеалы классического либерализма. Человечество для них — это в первую очередь вечный, универсальный и оптимальный рынок. При таком подходе любая организация есть манипулятивный менеджмент людей, и отдельный человек выступает в качестве винтика большой машины, а всякие моральные соображения отпадают. Общество рассматривается как деперсонифицированный рынок, а абсолютным и единственным мотивом деятельности людей признается экономический эгоизм — максимизация личной прибыли. Все остальное квалифицируется как утопизм или консерватизм. По мере того как знаменем такой позиции становился рыночный радикализм, сам термин "консерватизм" превращался для "новых правых" в бранный. Отрицательная реакция гуманитарных профессий на голый менеджеризм интерпретировалась в том же ключе, а бедность представлялась как результат лени, неумения и нежелания работать. Предлагались программы все более жесткого контроля за претендентами на общественную помощь. Вместо всеобщих гражданских прав на социальное обеспечение опять "выдвинулся" критерий выявления "достойных" этого кандидатов. Социальные реформы становятся синонимом "горького лекарства", которое должно пойти "им" на пользу, где понятие "они" отождествляется со всем населением, имеющим низкие доходы — и внутри страны, и интернационально.

Когда шум и пыль краха коммунизма Восточной Европы осели, и интерпретация этого в духе "конца истории" начала затихать, проявилось фундаментальное противопоставление политических идеологий правого и левого толка. Постепенно начал оформляться новый левый лагерь, дистанцировавшийся от "старых левых". Целью последних было создание государства, в котором руководящая роль принадлежала бы пролетариату (на деле подобная мифология быстро вырождалась в бюрократический тоталитаризм). Сейчас это не просто возрождение движения "новых левых" 50-х и 60-х годов, призывавшего "чуму на оба дома" двух сверхдержав и подхватившего заново идеи освобождения человека как человека, намеченные еще в XVIII в. С последними новыми "новыми левыми" роднит критический настрой, но содержание их идеологии складывается по контрасту и в то же время под влиянием доминировавшей на протяжении последнего десятилетия идеологии "новых правых".

Ядром современной критики правых взглядов слева является неприятие утверждения (тракуемого как реализм и рационализм), что общественным развитием движут лишь такие силы, как ры-

ночные отношения, погоня за прибылью и эффективный менеджмент. В качестве не менее важной основы деятельности человека принимается альтруизм и коллективная солидарность. Из чувства общности интересов рождается спонтанный внесударственный коллективизм, который выступает единственным надежным гарантом также индивидуальной свободы. Внутренние споры новых "новых левых" касаются в главном конкретной природы таких общностей. Некоторые из их современных идеологов понимают ее прежде всего как территориально-производственную (община или кооператив). Чаще в качестве естественной основы объединения людей видят существующую в обществе дискриминацию по признакам расы или пола и самозащитные реакции на нее. Поэтому требование "позитивной дискриминации", т.е. привилегий слабым, ложилось в основу этой политической стратегии. Заимствуя некоторые либеральные, социалистические и народнические идеи прошлого, данный подход соединял их с требованием радикальной демократизации общества, освобождая индивидов от диктата как голого рынка, так и "государства всеобщего благоденствия". В качестве важного условия раскрепощения людей и демократизации (или ре-демократизации) в этих рамках также выдвигается требование свободы доступа к информации.

Позиция "новых правых", во всяком случае на уровне деклараций, была близка социальным работникам в том пункте, где критиковался универсалистский подход к системе социального обслуживания и утверждалось бесконечное разнообразие возможных типов "нуждающихся". Акцент на важности раскрытия потенциала личности и подчеркивание роли семьи тоже соответствовали тому, что социальная работа рассматривает как основное направление своей деятельности. Но убеждение "новых правых" в том, что свободная игра сил рынка способна сама собой решить главные социальные проблемы и вытекающее отсюда враждебное отношение к финансированию социальных программ из общественных фондов, идут вразрез со всем тем, что социальные работники знают из своей профессиональной практики.

То же самое касается идеи технократизма, которую "новые правые" Запада превратили в основной принцип организации всех аспектов жизни общества. Как писал один из современных авторов, "технократизм интересуется исключительно достижением целей, сформулированных внутри организации или теми, кто ее контролирует; он контролирует и контролируем..." и поэтому у его правил игры "нет параллели в профессиональной этике, какой бы ни была рассматриваемая профессия"¹. Подобная установка противоречит

¹ Barr N. Economic Theory and the Welfare State // Journal of Economic Literature. 1992. Vol. XXX. P. 741—803.

всей ориентации социальной работы на задачи реабилитации, на преимущественную помощь социально незащищенным, на уважительное отношение к "клиентам" и на отношение к ним как к "субъектам".

Хотя сами социальные работники часто бывали политически наивными, многие современные идеологи и политики правого толка быстро квалифицировали эту профессию как потенциально враждебную силу ("консервативную" на языке радикальных сторонников рынка, для которых единственным мерилom "прогресса" выступает степень приватизации). С точки зрения той экономической модели, для которой любые государственные формы производства и обслуживания являются как таковые нерентабельными и сугубо потребляющими, а только частное производство производительно, социальная работа — это прежде всего обуза для национальной экономики. К тому же эта профессия все время поднимает этические проблемы и напоминает о масштабах обнищания в современном обществе. Следовательно, за ней нужен постоянный контроль, как, впрочем, и за другими профессиями, которые видятся как некий "заговор против непрофессионалов". Над профессией должны встать менеджеры, а сама профессиональная деятельность должна быть строго регламентирована. К этому надо прибавить программы коммерциализации социального обслуживания. Эти тенденции постепенно выливались в угрозу существованию профессии социальной работы как таковой. Наметились планы депрофессионализации социальной работы Запада, когда функции ее все более будут переходить к бюрократам и клеркам, обезличиваясь и формализуясь.

В условиях хронической административной и финансовой нестабильности современного государства и всех его структур будущее социальной работы, ее жизнеспособность как особой профессии и научной дисциплины зависит от способности отстаивать право собственное видение проблем, на организационную самостоятельность, на специфическую функцию в обществе, на общественное финансирование и на специфическую подготовку кадров. В условиях постоянного государственного давления "сверху", часто при безразличии или даже враждебности общества в целом, каждый раз заново становится вопрос выживания социальной работы как профессии. В этом особенно важен вектор идеи, ее определяющей, и ее общий культурный контекст.

В нашу эпоху мощного влияния идеологии "новых правых", представляемой как реализм (иногда горький, но единственный в наличии), социальная работа как таковая продолжает отстаивать необходимость комплексной социальной политики, ориентирую-

щейся в первую очередь на индивидуализированную поддержку нуждающихся в ней. Она остается верна идеям прав человека и профессионализма, воспринимая себя как их современное воплощение. Как и другие гуманитарные профессии, социальная работа ориентируется на общечеловеческие ценности и часто оказывается поэтому в роли критика существующего порядка вещей. Чтобы оттенить присущий ей гуманистический и антибюрократический заряд, мы должны вернуться к клятве Гиппократы — моральному кодексу гуманитарной профессии, которая исторически была первой, осознавшей себя в качестве таковой. Приведу основные положения этой клятвы в современном изложении, опуская ее чисто медицинские элементы:

я торжественно обещаю посвятить свою жизнь служению человечеству;

я с должным уважением и благодарностью буду относиться к своим учителям;

я буду ответственно и с чувством достоинства выполнять свои профессиональные функции;

интересы моих пациентов будут для меня превыше всего;

я обещаю хранить профессиональную тайну;

я буду всемерно способствовать поддержанию престижа профессии;

я буду по-братски относиться к своим коллегам;

я не позволю, чтобы какие-либо соображения религиозного, национального, расового, политического или социального характера повлияли на выполнение мною профессионального долга;

ничто не сможет принудить меня использовать свои знания во вред людям;

я добровольно и сознательно клянусь своей честью выполнять эти торжественные обязательства.

Подчеркну: служение людям, а не нажива. Подчеркну: дело всей жизни, а не просто прилежное исполнение функций или приказов сверху. Подчеркну: абсолютная преданность своему профессиональному долгу. Подчеркну: добровольная и торжественная личная клятва честью. Тот факт, что подобные клятвы не всегда в полной мере выполняются на практике, не перечеркивает их смысла. Как говорится в одном из важных документов ООН: "Моральный кодекс всегда предшествует моральному поведению... Если бы люди не формулировали для себя высоких моральных принципов, то прогресс, уже достигнутый, был бы невозможен". Именно с этих позиций следует оценивать перспективы социальной работы как профессии, научной дисциплины, а также как особого взгляда на мир человеческих взаимоотношений и практику жизни.